

ЛОРД РЕДСТОК

глазами современников

[Составитель: Вячеслав Герасимчук]

Николай Семенович Лесков:

«Несмотря на то, что деятельность этого человека была, так сказать, мимолетная и ограничивалась до сих пор одним весьма небольшим великосветским кружком, теперь едва ли есть где-нибудь такой укромный уголок в России, в котором бы не слышали и в свое время не толковали о Лорде Редстоке. О нем толковали даже такие люди, которые даже не умели выговорить его имени и вместо Редсток называли «кресток», связывая с этим названием крестительские занятия. Более же сведущим людям Редсток известен как модный великосветский проповедник, вводящий какое-то особенное христианское вероучение, называемое в обыкновенной разговорной речи «великосветским расколом».

Свою обширную известностью в России Гренвил Вальдигрев лорд Редсток гораздо меньше обязан своим русским друзьям, чем своим противникам. Первые восхищались им втихомолку, — вторые же говорили о нем много и громко и при том с большим усердием... Издание, которое развило свою наблюдательность за этим иностранцем до весьма замечательных размеров, в течение трех зим ретиво выслеживало, где обращался Редсток, и всюду слало ему резкие укоризны за

своращение наших великосветских людей из православие в свой особенный, редстоковский раскол или ересь; но о самой этой ереси, о ее существе и задачах это наблюдательное издание ничего не открыло»^[1].

«Наружность Редстока — одна из неудачных. Он не только далеко не красив и не изящен, но даже совсем не имеет того, что называется «представительностью». Редсток среднего роста, коренаст и мускулист; фигуру его можно удачно определить русской поговоркой «Плохо скроен, да крепко шит». Он рыжеват, с довольно приятными, кроткими, голубыми глазами: глаза его как будто напоминают слегка глаза Юма, но в них нет той затаенности, которая мало-мальски наблюдательного человека поражает, когда он смотрит в глаза знаменитого медиума (ныне, впрочем, уже вышедшего из моды и «захудавшего»). Взгляд Редстока чист, ясен, спокоен. Лицо его по преимуществу задумчиво, но иногда он бывает очень весел и шутив и тогда смеется и даже хохочет звонким и беспечным детским хохотом. Манеры его лишены всякой изысканности, так напр., он никогда или почти никогда не сидит, как все люди, а бесцеремонно выбирает мебель поспокойнее и еще бесцеремоннее по ней валяется. Полагают, что он эту неблагопристойную манеру усвоил себе уже здесь, в России, где его особенно избаловали некоторые его

^[1] Из очерка Н.С. Лескова «Великосветский раскол: Лорд Редсток, его учение и проповедь». М.: Университетская типография (М. Катков), 1877. Стр. 1-4 (<http://leb.nl.ru/fullpage/331676>)

Писатель Николай Семёнович Лесков
(1831–1895).

почитательницы. Так ли это или не так, но во всяком случае он, пользуясь предоставляемым им правом замечать лорду его слабости и недостатки, могли бы, конечно, оказать ему большую услугу, заметив, что это его куврыканье и валянье по диванам весьма неблагопристойно и на многих дурно действует. Он и взаправду должен не обижаться тем, что многие невольно принимают это за рисовку усталостью в трудах проповеди. Его искренний друг непременно должен ему заметить, что это не только не прилично, но и «к славе Божьей» не служит, так как в Евангелии есть, конечно, хорошо известное Редстоку место о том, как должен держать себя человек благочестивый и богомольный.

Привет у него при встрече с знакомым заученный и всегда один и тот же — это: «Как вы себя душевно чувствуете?» — Затем второй вопрос: «Что нового для славы имени Господня?» Потом он тотчас же вынимает из кармана Библию и, раскрыв то или другое место, начинает читать и объяснять читае-

мое. Перед уходом из дома, прежде чем проститься с хозяевами, он становится при всех на колени и громко произносит молитву своего сочинения, часто тут же импровизированную: потом он приглашает кого-нибудь из присутствовавших прочесть другую молитву и, слушая ее, молится. Его постоянные почитательницы и слушательницы, разумеется, читают молитву по-английски или по-французски, но если приглашение его относится к кому-нибудь не молящемуся на этих языках, то тот читает молитву по-своему: лорд тогда молится шепча про себя свою молитву и только в конце гласно читаемой молитвы громко произносит: «Аминь». Молитвы при нем стараются читать, или заученные со слов Редстока, или собственного сочинения, «выливающиеся из души». Все эти молитвы, впрочем, ничем особенным не замечательны, а также не заключают в себе ничего еретического, как это некоторым угодно представлять, Бог их ведает ради каких соображений. Это просто прошение о ниспослании мира, света и любви в мир человеческий... Молитва всегда обращается к Богу-Отцу, к Троице или к Иисусу Христу, и никогда ни к кому другому, так как призывание Св. Девы, апостолов и святых лорд Редсток не признает нужным и позволительным, держась текста «единого имама ходатая», Господа Иисуса Христа (взгляд общепротестантский) В молитвах, кроме прошений, слышится иногда восторженный лепет хвалы... Это лепет страстного экстаза *души влюбленной*; но тем это и понятнее. Молитвы в этом жанре необыкновенно нравятся редстокисткам, и кто будет столько груб и жесток, чтобы осуждать их за это и ставить им в вину, что они жарко молятся этими словами, а не бол-

тают без толку, холодно другие слова, порою вовсе не понятные. А наши дамы положительно многих церковных молитв не понимают, чему, впрочем, нисколько нельзя и удивляться, потому что их не понимают даже и мужчины и притом те самые мужчины, которые учились церковно-славянскому языку...»^[2]

«В Петербурге... он коробами покупал «Новый Завет» синодального издания, всегда в переплетках. Молча, но с лаской во взоре, он совал в руки встречному человеку книжечку «Нового Завета» и шел далее, чтобы сделать такой же подарок другому. Этот его выбор, его сообразительность, кому сунуть книжечку, а кого обойти мимо, этот его добрый взор влюбленного человека, желающего взглядом передать свое заветное чувство — его кивки, ужимки и доброе ворчание вместо слов непонятных чужому народу, — все это так симпатично и тепло, что некто наблюдавший Редстока за этим занятием зимним вечером у пекарни Филиппова, на углу Невского пр. и Троицкого переулка, говорил мне:

— Знаете, батюшка мой: пусть о нем, что хотят рассказывают, а как я на него посмотрел, как он на это все копошится... ей, право, чувствую, что он человек добрый. Снег мокрый валит, люди спешат, бегут, его толкают. Один разносчик ему при мне, кажется, и нарочно доброго стукача дал, а он все, как индюх, на одном месте топчется, да нет, нет сноровит и сунет кому-нибудь книжечку. Нет, ей право, мужик добрый, — зачем его ругают»^[3].

^[2] Из очерка Н.С. Лескова «Великосветский раскол: Лорд Редсток, его учение и проповедь». М.: Университетская типография (М. Катков), 1877. Стр. 29-31. (<http://leb.nlr.ru/fullpage/331676>)

«В словах лорд Редсток необыкновенно осторожен, особенно с незнакомыми ему людьми, если кто-нибудь старается заставить его высказать свое мнение о каких-нибудь догматах какой бы то ни было церкви, то он или совсем молчит и не отвечает, или, если уже к нему очень пристанут, то коротко скажет: «Я не могу об этом говорить, это не мое дело, я только могу объяснять слово Божье, приводя и для этого в нем же находящиеся тексты». Как человек воспитанный и при этом очень осторожный, он ни о ком никогда не говорит дурно. По крайней мере никто не слышал, чтобы он кого-нибудь осуждал, хотя бы в самых мягких выражениях. Самое сильное, что от него слышали насчет чьей-нибудь плохой личности, о которой он не мог не получить самого невыгодного мнения, это следующее: «Да, мне кажется, что с этой стороны нельзя ожидать многого для славы Божьей», и больше ни слова. Пример его в этом случае действует необыкновенно благотворно, и в жарком редстокисте, какой бы они не принадлежали нации, вы всегда найдете след его влияния, выражающийся умягчением нрава и снисходительностью, нередко граничащей с истинно христианским добродушием ...

Редсток — большой мастер переделывать бар и имеет право на большую за это похвалу от всякого беспристрастного человека. Я очень сожалею, что не могу указать некоторых из его так называемых «данииловых чудес» укрощения, но они слишком хорошо известны петербургскому “свету”»^[4].

^[3] Из очерка Н.С. Лескова «Великосветский раскол: Лорд Редсток, его учение и проповедь». М.: Университетская типография (М. Катков), 1877. Стр. 34. (<http://leb.nlr.ru/fullpage/331676>)

София Павловна Ливен

«Для большей ясности мне приходится обратиться к 60-ым годам прошлого столетия. В то время в Англии началось сильное пробуждение веры, захватившее прежде всего верхушки английского общества. Одним из отозвавшихся на этот зов Божий и принявшим живейшее участие в этом движении явился энергичный, талантливый молодой человек, Вальдеграв, получивший после смерти отца титул лорда Редстока – имя, под которым стал известен в истории Русского Евангельского Движения. За несколько лет до возникновения этого движения, во время Крымской Кампании в 1855 году, он тяжело заболел, находился на краю смерти, и уверовал во Христа, как в своего личного Спасителя. Его сразу охватило сильное желание говорить и другим о спасении по благодати, которое он сам получил верою во Христа Иисуса и в Его слово. Понемногу он стал освобождаться от всяких земных и светских связей, чтобы полностью посвятить себя благовестию, а также благотворительности в Христовом духе. Господь зародил в его сердце жажду понести и в Россию весть о спасении во Христе. Об этом он молился в продолжении многих лет. Сын его, которого мне случалось видеть в Лондоне несколько лет тому назад, говорил мне, что отец его молился о России в продолжение десяти лет и верил, что Господь в Своё время туда его пошлёт. Этой готовностью ждать Божьего часа и можно объяснить обильные благословения, которыми

сопровождались последующие служения лорда Редстока в России, главным образом в Петербурге.

Ответ на его молитвы пришёл через десять лет таким естественным и простым путём, каким Божьи чудеса почти всегда совершаются на земле.

Лорд Редсток часто ездил в Париж, пробуждаемый всё тем же желанием приводить души ко Христу. Нужно заметить, что этот служитель Божий не отличался особенным даром красноречия, да он и не считал себя призванным выступать в многолюдных собраниях. Одной из его первых задач было донести Евангелие как «силу Божию ко спасению всякому верующему» в среду людей своего класса, к которым мало кто мог проникнуть из не принадлежащих к этому классу, хотя он, понятно, был готов служить и другим. В Париже он говорил в частных домах, у знакомых и всюду нёс ту же весть спасения. Среди его слушателей бывали и русские друзья, большею частью из высшего петербургского общества, которых Париж всегда привлекал.

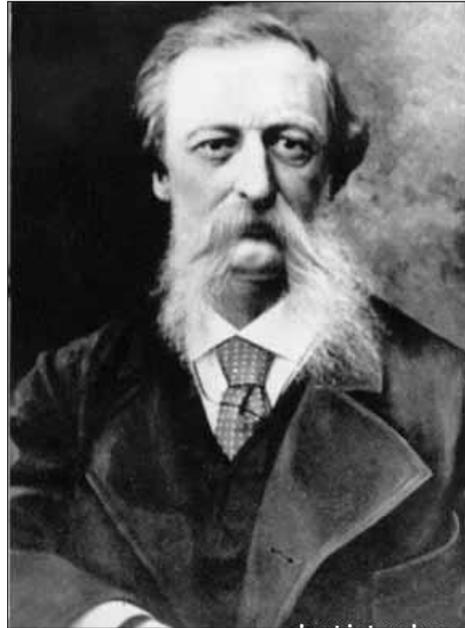
Однажды лорд Редсток, отправляясь на такое собрание, почувствовал себя нехорошо, взял извозчика, и оказался в доме раньше назначенного часа. Туда случайно пришла дама, принадлежавшая к одной из ветвей русского царствующего дома. Она относилась отрицательно к проповеднику-мирянину и, узнав, что его ожидают, собиралась раньше уйти, но лорд Редсток появился раньше времени, и они поневоле встретились. Она, как светский человек, любезно поздоровалась с ним и сказала ему несколько слов, он же, как верный служитель Божий не упустил случая сказать ей о Христе. Его слова её заинтересовали, и она

^[4] Из очерка Н.С. Лескова «Великосветский раскол: Лорд Редсток, его учение и проповедь». М.: Университетская типография (М. Катков), 1877. (<http://leb.nl.ru/fullpage/331676>) – С. 71-73.

осталась. После продолжительной беседы о Слове Божиим она сказала лорду Редстоку, что то, о чём он сегодня говорил в Париже, нужно обязательно сказать и в Петербурге, и она предложила для этой цели свой дом. К её словам присоединились и другие присутствовавшие русские, говоря, что и они были бы счастливы его услышать у себя. Лорд Редсток понял, что многолетняя его молитва услышана и дверь в Россию для него открыта. Теперь он знал наверное, что время настало и Бог туда его посылает.

В ту же зиму 1874 года он поехал в Россию. По пути его настигла телеграмма, извещающая, что его горячо любимая мать находится при смерти. Его поневоле охватило желание вернуться, но вспомнив полученное им указание воли Божией, призвавшей его на новое поле служения Ему, он продолжил намеченный путь. Ему несомненно вспомнились слова Иисуса Христа: «Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (Лук. 9:62).

Молитва и терпеливое ожидание Господнего часа, как и полное послушание воли Божией этого свидетеля Христова были ключом к необычному благословию, сопровождавшему его появление в России. Плодотворности служения лорда Редстока содействовало и то, что он никогда не искал славы: не привлекал людей к себе, не старался очаровывать их красноречием или личным обаянием. Он ставил основанием своей проповеди Слово Божие и вводил своих слушателей в Священное Писание. Не

Василий Александрович Пашков
(1834–1902).

владея русским языком, он говорил по-английски или по-французски, а потому слушали его главным образом принадлежавшие к высшему слою общества, где в те дни эти иностранные языки были общепринятыми...»^[5]

«По прибытии в Петербург лорд Редсток начал проповедовать в маленькой англо-американской церкви на Почтамтской. В скором времени у некоторых слушателей стало открываться духовное зрение, и глубокое сознание своей греховности привело их к искреннему покаянию. За покаянием последовала вера в слова Евангелия об искупительной жертве Христовой. С ними произошло то же, что некогда с ефесянами, которым ап. Павел пишет в 1-ой главе, в 13-ом стихе своего послания к ним: «В Нём (во Христе) и вы, услышавшие слово истины и уверовавшие в Него, запечатлены обетованным Святым Духом». Уверенность в спасении, конечно, исполнило радостью обретших её.

^[5] Из книги С.П. Ливен “Духовное пробуждение в России”. — Тимашевск: Евангельско-миссионерское общество «Милосердие». — С. 4-5.

Граф Модест Модестович Корф
(1843–1936).

Оправдывались слова 12-го стиха 1-ой главы Ев. Иоанна: «Тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими»... Было ясно, что для многих пришёл Божий час»^[6].

«Однажды жена его [Василия Александровича Пашкова], Александра Ивановна, пригласила лорда Редстока к обеду. Василию Александровичу ничего не оставалось делать, как любезно встретить гостя по обычаю русского гостеприимства. За столом гость всё время говорил о Слове Божием, и присутствующие с интересом слушали. По окончании обеда всё общество перешло в гостиную, где беседа продолжалась. И вот лорд Редсток внезапно предложил встать на колени и помолиться. Это многим показалась странным и непривыч-

ным. Но молитва Божьего человека так сильно подействовала на Василия Александровича, что ему внезапно открылось его собственное состояние. Он понял, что всё слышанное из Слова Божия касалось его лично. Он почувствовал свою греховность и отчуждённость от Бога, тут же стал каяться, и ему открылся не только его грех, но и величие спасения Божия во Христе Иисусе. Всей душой уверовал во Христа как своего личного Спасителя, пролившего кровь Свою и за его грехи и воскресшего для его оправдания, и он верой получил прощение. На нём исполнилось слово из 1-ой главы 1-го послания Иоанна, 9-ый стих: «Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды». Встав с колен, он был уже не тем, что раньше, он стал новым человеком во Христе Иисусе, искупленным Господом, согласно 2 Кор. 5:17: «Итак, кто во Христе, тот новая тварь, древнее прошло, теперь всё новое»... С того времени Василий Александрович сам стал возвещать Евангелие. Проповедовал он по-русски, и круг слушателей сразу расширился. Прекрасный Пашковский дом на Французской Набережной стал центром евангельского служения в Петербурге. Иногда по вечерам собирался круг близких знакомых, с которыми велись духовные беседы; в другие определённые дни зал наполнялся посторонними, и Василий Александрович свидетельствовал им о том, что Христос совершил в его личной жизни и открывал истину искупления ищущим спасения душам. Участники этих собраний, оставшиеся в живых до наших дней, рассказывали мне, насколько их сначала поражала своеобразность этих вечеров. В нарядном зале люди самых разных

^[6] Из книги С.П. Ливен «Духовное пробуждение в России». — Тимашевск: Евангельско-миссионерское общество «Милосердие». — С. 6.

званий и сословий, сидя вперемешку на шёлком обтянутых креслах и стульях, внимательно вслушивались в простые евангельские слова о любви Божией. Собрание сопровождалось пением. Вокруг фисгармонии стояла группа молодых девиц; они свежими голосами пели новопереведенные с английского языка евангельские песни, призывающие ко Христу. Их пение сопровождалось музыкой талантливой певицы и труженицы на ниве Божией, Александрой Ивановой Пейкер. Трое из этих молодых девушек были дочери хозяина дома, Пашкова, трое — дочери министра юстиции, графа Палена, и две княжны Голицыны»^[7].

Граф Модест Модестович Корф:

«Меня особенно поразила в нем привязанность ко Христу и полная убежденность в богодухновенности Библии... Во всем его существе проявлялась какая-то особая естественность. Догматическим богословием он не занимался, но зато основательно был знаком со всей Библией и любил ее как письмо любимого друга. Его простая, детская любовь ко Христу и Слову Божьему поражала каждого. Вся личность его была проникнута полным и глубоким доверием к Спасителю. Он подчинился Слову Божию, как маленький ребенок подчиняется воле своих родителей. Я не встречал еще такого ревностного верующего, который с такой любовью старался бы убедить меня на основании Священного Писания, что Христос спас меня... Редсток, — еще раз подчерки-

^[7] Из книги С.П. Ливен «Духовное пробуждение в России». — Тимашевск: Евангельско-миссионерское общество «Милосердие». — С. 7.

^[8] Цит. по: А. В. Кареев. Русское евангельско-баптистское движение // Альманах по

вает Корф, — ни в личных разговорах, ни в публичных собраниях, никогда не касался догматических вопросов. На его собрания приходили иногда священники, чтобы удостовериться, не говорит ли он против православной церкви, но ничего подобного они от него не слышали. У него было на сердце приводить грешников к сознанию, что они без Христа погибшие»^[8].

Иван Сергеевич Тургенев:

«Лорд Редсток, несмотря на гонение, обретает сердца нескладными и не красноречивыми проповедями»^[9].

Лев Николаевич Толстой:

«Все они — и Пашк[ов], Radst[ock] проповед[уют]. — Я понял их, евангеликов, так: они от церковной безбожности очнулись и нашли более разумную и свободную и теплую веру в Хр[иста], искупившего своей кровью наши грехи и спасшего нас. И верят, и радуются. Но ошибка и тут большая: они чувствуют себя совершенными и всю энергию направляют на проповедь, предполагая, что совершенство жизни совершится бессознательно»^[10].

Мария Николаевна Ясновская:

«Первый раз я увидела его в Москве, когда он проповедовал в лютеранской церкви, и я впервые услышала живое слово о Господе Иисусе Христе. День и час врезались в мое сердце так же глубоко, как и слова, исходящие из уст благовестника. Он читал Деян. 10 гл. и яркими красками обрисовал благочестивого и благородного римс-

истории русского баптизма. СПб., «Библия для всех». 1999. — С. 122-123.

^[9] Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. Письма. Т. XII, Кн. I. М. — Л.: Наука, — С. 555.

^[10] Л.Н. Толстой. Дневник от 13 марта 1889.

кого сотника Корнилия. Потом он чудно описал приход Петра к Корнилию и ясные точные слова, которые Бог поручил апостолу передать ему: «всякий верующий в Него получит прощение грехов именем Его». Трудно, да и невозможно описать то, что произошло с душой моей: лишь тот, кто сам возродился, может понять это. Я испытала то, что значит родиться свыше: поток любви и благодарности к Богу за совершенное Им спасение души моей на Кресте хлынул в сердце мое: какая-то неземная радость охватила все существо мое и все внутри затрепетало любовью ко всем окружающим. Я приехала домой новым человеком — все стало для меня новым»^[11].

Сообщение из «Церковно-общественного вестника»:

«Нынешнее великопостное время ознаменовалось для петербургского великосветского общества событием, в различных отношениях заслуживающим внимания и оценки. Некто, англичанин Редсток, прибыл сюда с целью пробуждать и утверждать веру в Иисуса Христа в сердцах нашего высшего светского общества. Мы охотно воспользовались приглашением на одно из этих собраний в частной квартире. В залу, где чинно расселись человек сорок из высшего круга общества, вышел среднего роста мужчина лет сорока-сорока пяти и бросился на колени у поставленного для него перед публикой стула. Закрыв лицо руками, он при общем безмолвии оставался сам несколько времени безмолвным и неподвижным, а потом

открыл лицо и произнес по-французски: помолимся Богу. Все встали, проповедник обратив лицо вверх, произнес громкую молитву, в которой просил Иисуса Христа прийти и осенить Своею благодатью присутствующих. Затем благочестивый лорд начал проповедь чтением Библии из пророка Исаи, 53 главы. Сущность его речи, продолжавшейся почти час с четвертью, заключалась в том, что мы, христиане, не довольствуясь внешними обрядами религии, должны жить во Христе, что чем глубже мы будем проникнуты сознанием своей греховности, тем ближе к нам Христос со Своею всеильною и спасающею благодатью».^[12]

Федор Михайлович Достоевский:

«Кстати уж об этих сектах. Говорят, в эту минуту у нас в Петербурге лорд Редсток, тот самый, который еще три года назад проповедовал у нас всю зиму и тоже создал тогда нечто вроде новой секты. Мне случилось его тогда слышать в одной «зале», на проповеди, и, помню, я не нашел в нем ничего особенного: он говорил ни особенно умно, ни особенно скучно. А между тем он делает чудеса над сердцами людей; к нему льнут; многие поражены: ищут бедных, чтоб поскорей облагодетельствовать их, и почти хотят раздать свое имение. Впрочем, это может быть только у нас России; за границей же он кажется не так заметен. Впрочем, трудно сказать, чтоб вся сила его обаяния заключалась лишь в том, что он лорд и человек независимый и что проповедует он, так сказать, веру «чистую», барскую. Правда, все эти проповедники-сектанты всегда уничтожают, если б даже и не хотели того, данный церковью образ веры и дают свой собствен-

^[11] Мария Ясновская. Луч светлых воспоминаний о жизни, преданной Господу // *Гость*. — 1914. — №1. — С. 17-19

^[12] Лорд Редсток // *Церковно-общественный вестник*. — 1874. — №38. — С. 25.

ный. Настоящий успех лорда Редстока зиждется единственно лишь на «обособлении нашем», на оторванности нашей от почвы, от нации. Оказывается, что мы, то есть интеллигентные слои нашего общества, — теперь какой-то уж совсем чужой народик, очень маленький, очень ничтоженький, но имеющий, однако, уже свои привычки и свои предрассудки, которые и принимаются за своеобразность, и вот, оказывается, теперь даже и с желанием своей собственной веры. Собственно про учение лорда трудно рассказать, в чем оно состоит. Он англичанин, но, говорят, не принадлежит и к англиканской церкви и порвал с нею, а проповедует что-то свое собственное. Это так легко в Англии: там и в Америке сект, может быть, еще больше, чем у нас в нашем «черном народе». Секты скаунов, трясучек, конвульсьонеров, квакеров, ожидающих миллениума и, наконец, хлыстовщина (всемирная и древнейшая секта) — всего этого не перечтешь. Я, конечно, не в насмешку говорю об этих сектах, сопоставляя их рядом с лордом Редстоком, но кто отстал от истинной церкви и замыслил свою, хотя бы самую благолепную на вид, непременно кончит тем же, чем эти секты. И пусть не морщатся почитатели лорда: в философской основе этих самых сект, этих трясучек и хлыстовщины, лежат иногда чрезвычайно глубокие и сильные мысли. По преданию, у Татариновой, в Михайловском замке, около двадцатых годов, вместе с нею и с гостями ее, такими, как, например, один тогдашний министр, вертелись и пророчествовали и крепостные слуги Татариновой: стало быть, была же сила мысли и порыва, если могло создаться

такое «неестественное» единение верующих, а секта Татариновой была, по-видимому, тоже хлыстовщина или одно из бесчисленных ее разветвлений. Я не слыхал из рассказов о лорде Редстоке, чтоб у него вертелись и пророчествовали (верчение и пророчество — есть необходимейший и древнейший атрибут почти всех этих западных и наших сект, по крайней мере, чрезвычайного множества. И Тамплиеры тоже вертелись и пророчествовали, тоже были хлыстовщиной и за это самое сожжены, а потом восхвалены и воспеты французскими мыслителями и поэтами перед первой революцией); я слышал только, что лорд Редсток как-то особенно учит о «схождении благодати» и что, будто бы, по выражению одного передававшего о нем, у лорда «Христос в кармане», — то есть чрезвычайно легкое обращение с Христом и благодатью. О том же, что бросаются в подушки и ждут какого-то вдохновения свыше, я, признаюсь, не понял, что передавали. Правда ли, что лорд Редсток хочет ехать в Москву? Желательно, чтоб на этот раз никто из нашего духовенства не поддакивал его проповеди. Тем не менее он производит чрезвычайные обращения и возбуждает в сердцах последователей великодушные чувства. Впрочем, так и должно быть: если он в самом деле искренен и проповедует новую веру, то, конечно, и одержим всем духом и жаром основателя секты. Повторяю, тут плачевное наше обособление, наше неведение народа, наш разрыв с национальностью, а во главе всего — слабое, ничтожное понятие о православии. Замечательно, что о лорде Редстоке, кроме немногих исключений, почти ничего не говорит наша пресса».^[13]

^[13] Ф.М. Достоевский. Дневник писателя 1876.